

© Е.В. Ничипорчик

К ВОПРОСУ ОБ «АВТОРСТВЕ» ПАРЕМИЙ (гендерный аспект)

Используя в своей речи пословицы и поговорки, мы, как правило, не задумываемся над тем, представитель какого пола гипотетически может мыслиться как продуцент паремии. Более того, мы убеждены в том, что создателем паремий является народ как совокупность неопределённых лиц. Понятно, что эта неопределённость в какой-то мере относительна, так как активное формирование паремнологических фондов национальных языков связывается с определёнными эпохами и той социальной средой, в которой бытовали паремнологические единицы, фиксируемые первыми их собирателями. К тому же язык и содержание паремий указывают со всей очевидностью на тех, кого мы можем назвать создателями паремий. “Что за пословицами и поговорками надо идти в народ, в этом никто спорить не станет; в образованном и просвещённом обществе пословицы нет”, – пишет В.И. Даль [Даль 2005, с. 6]. “Пословица – это в народе возникшее и в народной молве ходящее кратко выраженное наблюдение или суждение...”, – определяет А.Е. Граф [Граф 1997, с. 9]. Однако здесь же А.Е. Граф замечает, что развитие и распространение русских и немецких пословиц отличается: русская пословица произрастала из крестьянской почвы, а немецкая имела по большей части литературные корни и её распространению способствовали клирики, артисты, а странствующие студенты, крестьяне и мелкие горожане либо брали в оборот чужие (имеется в виду пришедшие из иных культур) мудрые изречения либо игнорировали их [Граф 1997, с. 16, 17; Ефремова 2003, с. 3, 13]. Учитывая всё это, можно утверждать, что образ создателя паремий не является в социальном плане совершенно размытым, смутным.

Более того, некоторые паремнологические единицы имеют своего конкретного, однако забытого автора. И в чём мы совершенно не будем сомневаться, так это в том, что этим автором является представитель мужского пола: Гераклид, Еврипид, Менандр, Овидий, Сенека, Ювенал, Рабле, Шиллер... Понятно, что данный факт объясняется экстралингвистическими причинами: образование испокон веков было доступным прежде всего мужчинам, но даже если мы усомнимся в том, действительно ли Ювенал является автором всем известного изречения *Одна паршивая овца всё стадо портит* или он всего лишь употребил в своём произведении услышанное им расхожее выражение, то относительно сотен и тысяч других пословиц обыватель однозначно скажет, что их сочинил народ.

Мы не будем оспаривать того, что в паремиях отражается многовековой опыт народа, правда жизни, тем не менее иногда нам хочется уточнить, чья именно позиция представляется нам как воспринятая социумом истина. Ведь, несмотря на то, что становление пословицы как устойчивой, воспроизводимой единицы в языке является длительным процессом, подразумевающим участие множества лиц, очевидно, что исходное выражение, подхваченное впоследствии другими представителями социума, отточенное и отшлифованное в плане языковой огранки идеи, имеет своего конкретного, хотя и анонимного автора. И если это так, то, вероятно, в содержательных аспектах паремии может проявить себя и гендерный фактор, как один из факторов, определяющих специфику восприятия мира представителями социума.

К мысли о том, что продуцентом пословицы может являться представитель определённого пола, нас привели наблюдения над характером оценок, которые получают женщины в паремических текстах. Явная асимметрия положительных и отрицательных оценок женщин в пользу негатива, наблюдающаяся в паремиях, заставляет нас сомневаться в том, что продуцентом паремий о женщинах могут быть сами женщины. Хотя исследователи и объясняют подобные асимметрии существованием общей закономерности преобладания в языке единиц с негативной оценкой над единицами, обладающими позитивной коннотацией [Алексеев 2006, с. 28], маловероятно, однако, чтобы женщина давала себе негативную оценку сама или выделяла себя как исключение из женского сообщества, говоря о женщинах вообще плохо. Возможно, представления о женщине, отражённые в паремических текстах, – это по большей мере представления мужчин, несущих “бремя” необходимости общения с женщинами.

Изучение русских паремий, в которых речь идёт о женщинах (жёнах, бабах) или они упоминаются в связи с дефиницией иных объектов, позволило выявить целый ряд паремнологических единиц, характеризующихся наличием так называемых “средств конструирования гендерной идентичности” [Кирилина 2002]. Показателями мужского авторства такого рода текстов паремий являются следующие средства.

1. Проявление мужской посессивности – местоимение-посессив (*моя, своя, наша*) при номинации *жена*, реже других номинациях, называющих женщин: *Не жалуй меня капралом, да не тронь моей жены!*; *И моя жена красива, да и на неё мороз пал*; *Жена моя полсела для меня*; *Жена ль моя не баба, дети ль мои не ребята?*; *Что кому за дело, что жена моя не бела: я и сам не хорош*; *От нашего ребра нам не ждать добра*.

2. Предикат в форме мужского рода при отсутствии вербальных обозначений семантического субъекта, правда здесь должен учитываться и ещё один показатель: подразумевается, что потенциальным субъектом речи мыслится мужчина, говорящий о себе, а не другие лица, говорящие о третьем лице (заметим, что прямо указывать на маскулинное авторство паремических текстов в этом случае, как и в некоторых других случаях, могут также и словарные примечания): *Ехал бы прямо, да жена (да кобыла) упряма*; *Женил бы тебя (сказал мужик старому мерину, который задурил)*.

3. Авторское я тексте паремии (текст от первого лица) наряду с другими экспликаторами принадлежности высказывания мужчине: мужской род предиката, мужской род прономинативных или атрибутивных конкретизаторов при местоимении я, упоминание о жене, теще с позиций их обладателя: *Я думал, идут двое, ан мужик с бабой; Согрешил я перед господом, что люди меня оженили; И я бы шёл на войну, да жаль покинуть жену; Не в Польше жена, не больше меня; Помилуй, господи, тещу да жену: а сам-то я и как-нибудь проживу; Прости меня, моя мила, что ты меня била (говорит муж жене); Хоть родила суку да кобеля, да не тронь до меня (наказывают мужья из дальних мест сродникам своим о жене).*

4. Наличие в тексте паремии обращения к жене: *Жена, ты любишь не люби, а поглядывай!; – Жена, а жена, любишь ли меня? – А? – Аль не любишь? – Да. – Что да? – Ничего.*

5. Оценочно-маркированные номинации – негатив в оценке женщин (в частности, лексемы *жена*, при том что лексема *баба* сама по себе обладает негативной коннотацией, хотя и не всегда эта коннотация, как указывает Х. Вальтер, оказывается актуализированной [Вальтер 2004, с. 98]), употребление феминизма в негативном лексическом окружении: *Всех злыдней злее жена злая; Червь дерево пилит, а злая жена дом изводит; Где сатана не сможет, туда бабу пошлёт; Иван, корова издохла! – И сам издохнешь. – Иван, жена умерла! – Одной сатаной меньше!; Баба да бес – один у них вес; Женская лесть без зубов, а с костями сгложет; Бабья вранья и на свинье не объедешь; В людях ангел, а дома чёрт; День ворчит, ночь верещит – плюнь, да сделай!; Бабий язык, куда ни завались, достанет; Бабий кадык не заткнёшь ни пирогом, ни рукавицей; Бабу не переговоришь; Вольна баба в языке, а чёрт в бабьем кадыке; Сюда же следует отнести паремии с инвертированным предпочтением: *Лучше хлеб есть с водою, чем жить со злою женою; Лучше жить со змеею, чем со злою женою; Лучше камень долбить, нежели злую жену учить.**

Говоря о паремиях с негативной оценкой женщины и приписывая им мужское авторство, необходимо, однако, сделать при этом несколько оговорок.

1. Учитывая то, что выражение негативных оценочных значений может отражать разные типы отношений к оцениваемому объекту – от гневного обличения, негодования до лёгкой иронии, шуточного, незлобного ёрничания, можно предположить, что увеличение степени интенсифицирования негативных значений, которое так или иначе проявляется в содержательных аспектах паремии, сопряжено с уменьшением вероятности создания данной паремии теми, на кого направлен вектор негативного отношения. На этом основании продуцентом шуточной русской паремии *Жена мужа любила, в тюрьме место купила* может мыслиться как мужчина, так и женщина, осуждающая поведение чьей-либо коварной жены. А паремии, в которых негативная оценка звучит “крещендо”, вероятнее всего, созданы теми, кто к этому роду себя не причисляет. Нельзя игнорировать и факт выражения позитивной оценки в паремиях с признаками маскулинного авторства.

2. Отсутствие/наличие распространителя при номинациях представительниц женского пола в некоторых случаях также оказывается важным при определении того, является ли продуцирование паремии гендерно маркированным или нет. Снятость гендерного признака, обнаруживается в тех паремиях, в которых номинация объекта оценки содержит при себе дескрипторы, ограничивающие наши представления о денотате, то есть в паремиях подвергаются характеристике не женщины вообще, а женщины как носительницы того или иного порока (в том числе такого порока, который не компенсируется какими-либо достоинствами). По сути, создателями таких пословиц могут быть и сами женщины, которые склонны к критике неверных, ленивых, неряшливых и т. п. представительниц женского пола: *Неверная жена – чужой человек в доме; Плохая лошадь состарит хозяина, плохая жена – мужа; Личиком беленька, да ума маленько; Где бабы гладки, там воды нет в кадке; Собой пригожа, да обыком негожа; Собой красавица, а душой трухлява.*

3. Затуманенным, а в большинстве случаев снятым в силу тех же самых причин оказывается гендерный параметр при определении авторства паремий, в которых речь идёт одновременно о женщинах и мужчинах (жёнах и мужьях, бабах и мужиках), а также о плохих жёнах в сопоставлении с хорошими. Паремии отражают мнение сторонних наблюдателей, осуждающих, сетующих, поучающих и др., половая принадлежность которых для самого сообщения является абсолютно незначимой: *Муж – как бы хлеба не жить, а жена – как бы мужа избыть; Муж по дрова, а жена со двора; Муж того не знает, что жена гуляет; Муж жене отец, жена мужу венец; В стары годы бывало – мужья жён бивали, а ныне живёт, что жена мужа бьёт; У умного мужа и глупая жена досужа; Жена мужа почитай, как крест на главе; муж жену береги, как трубу на бане!; Добрая жена дом бережёт, а худая рукавом растрясёт; Добрая жена хозяйству научает, а злая от дома отлучает; Добрая жена мужа на ноги поставит, а злая и щей на стол не поставит.*

А. Гендерно специфические единицы лексикона, в том числе метафоры, свидетельствующие о маскулинном восприятии мира: *Нет такого зелья, как жена (баба) с похмелья; Силён хмель, сильнее хмеля сон, сильнее сна злая жена (и спать не даёт); Жена – дурочка, да талия рюмочка; Железо уваришь, а злой жены не уговоришь; Бабе хоть кол на голове теши; Без жены как без шапки; Без жены, что без шапки; За три вещи не ручайся: за часы, за лошадь да за жену; Лучше в утлой ладье по морю ездить, чем жене тайну поверить; Три друга: отец, да мать, да верная жена-подруга.*

Б. Прямая либо косвенная рекомендация использовать негативную модель поведения в отношении к женщине: *Бей жену к обеду, а к ужину опять (без боя за стол не сядь); Бей жену обухом, припади да понюхай: дышит да морочит, ещё хочет; Не верь коню в поле (в холье), а жене в доме (в воле)!; Не закладывайся: за овин, за мерина да за жену (сгорит, убьёт, согрешит); Пей не робей. Вино пей, жену бей, ничего не бойся! Бабе спустишь – сам ба-*

ба будешь; Кто с бабой свяжется – сам баба будет; Кто бабе поверит, трёх дней не проживёт.

В. Выражение досады, сетования, предостережения на фоне негативной оценки женщины: *Стели бабе вдоль, а она меряет поперёк; Из дому жена, а из лесу змея* [т. е. выживает]; *Худо дело, коли жена не велела; Нет досадней, как своя же дворняжка на тебя лает; Женишься раз, а наплачешься век; Бывала ль у тебя беда? Умирывала ль у тебя жена?*

Выявленные нами признаки маскулинного авторства паремического текста классифицируются на формальные, содержательные и прагматические. Данные признаки, как правило, сочетаются в одной и той же единице. Следует отметить и то, что прагматический критерий сам по себе не может быть дифференцирующим без учёта содержательных аспектов.

Аналогичными в плане их установления являются и следующие показатели феминного авторства текста о представителях мужского пола.

1. Местоимение-посессив (*мой*) при номинации *муж, мужик*, мужских именах (реже иные показатели посессивности): *Худ мой Уетим, да лучшие с ним; Хоть плох муженёк, да затулье моё; завалюсь за него – не боюсь никого; Все мужья добры, покупили жёнам бобры, а мой муж неуклюж: невидаль, корову купил; Все люди, как люди, а мой муж, как поршень (обувь, шерстью наружу); Чуть-чуть мой муж да не прапорищик; Муж хоть и не гожд, но чужая – не трожь.*

2. Авторское я (текст от первого лица) наряду с упоминанием о муже с позиций его обладательницы: *Муженёк хоть всего с кулачок, да за мужниной головой не сижусь сиротой; За мужа завалюсь, всем насмеюсь, никого не боюсь; Чужой муж бы и мил, да не жить мне с ним, а свой постыл – волочиться с ним; Был у меня муж Иван – не приведи бог и вам.*

3. Негатив в оценке мужа, инвертированность женских предпочтений, связываемых с решением матримониальных вопросов: *Злобный муж всем не дюж; Стар муж, так уоушлив; молод, так не сдружлив; Нужа, нужда! нет её хуже, а лучше худого мужа; Вижу и сама, что муж мой без ума (или: что я из ума); Стужа лучше худого мужа; Лучшие в девицах пробыть, чем за нелюбимым мужем быть.*

4. Гендерно специфические единицы лексикона, свидетельствующие о феминном восприятии мира: *Свёкор кропотлив, свекровь журлива, деверь пересмешиник, золовка смутлива, ладушко (муж) ревнив; Всем бита, и об печь бита, только печью не бита.*

5. Сетование, причиной которому является мужчина; самоутешение, при котором негативные характеристики мужа компенсируются наличием мужа как такового: *Горе-горе, что муж Григорий: хоть бы болван, да Иван; Пусть бы побился, да и утопился (говорит жена), а то бить бьёт, а топиться нейдёт; Хоть бы в щёку бил, да щёголь был (говорит жена); С ним горе, а без него вдвое; Хоть лыками шит, да муж; Хоть и не дюж, да все-таки муж; С мужем – нужда; без мужа – и того хуже; а вдовой да сиротой хоть волком вой.*

6. Просьбы, мольбы о сохранности мужа: *Побереги, бог, мужа вдоль и поперёк, а я без него ни за порог; Побереги, бог, мужа, не возьмёт мужа.*

Относительно паремий, в которых слово *муж* употребляется в качестве обращения (а таких паремий зафиксировано нами только 2), нельзя даже с условной долей вероятности определить, представитель какого пола может быть их продуцентом, так как они обладают иронической тональностью и могут употребляться как мужчинами в качестве отказа на женскую просьбу, так и женщинами в качестве осуждения неразумной расточительности чьей-либо супруги: *Продай, муж, лошадь да корову, купи жене обнову! (Присказка: а зимой муж запряг жену в сани, да и заставил дрова возить); Продай, муж, корову с лошадушкой: купи, муж, ожерелье, жемчужный борок!*

Таким образом, обращение к женским и мужским портретам в русской пословичной картине мира, позволяет прийти к заключению, что по отношению к продуцентам паремий о женщинах и мужчинах гендерный признак не во всех случаях оказывается снятым. Формальные, содержательные и прагматические признаки в их совокупности могут свидетельствовать о маскулинном либо феминном авторстве текста. При определении того, представитель какого пола гипотетически может мыслиться как создатель паремического текста, следует учитывать характер и ракурс оценки, наличие/отсутствие квантора всеобщности для объекта оценки, наличие в составе паремии гендерно специфической лексики, использование при компонентах *муж, жена* лично-притяжательных местоимений, функционирование этих компонентов в качестве обращений, направление ассоциативных связей, в которых осуществляется характеристика объекта, коммуникативную направленность паремии и др.

Литература

Алексеевко, М.А. Негативен ли образ женщины в языке? / М.А. Алексеевко // Слово в словаре и дискурс: сб. науч. статей к 50-летию Х. Вальтера. – М.: Эллис, 2006. – С. 22-30.

Вальтер, Х. Не бывает страшных женщин, бывают трусливые мужчины (женщина в русских антипословицах) / Х. Вальтер // Проблемы фразеологической и лексической семантики: мат-лы Международ. науч. конф., г. Кострома, 18–20 марта 2004 г. – М.: ИТИ технологии, 2004. – С. 92–99.

Граф, А.Е. Словарь немецких и русских пословиц: более 6000 единиц / А.Е. Граф. – СПб.: Лань, 1997. – 288 с.

Даль, В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – М.: ЭКСМО, 2005. – 616 с.

Ефремова, Н.И. Закономерности грамматической и лексической организации народной афористики (на материале русской и немецкой паремологии): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.И. Ефремова; Белорусский гос. ун-т. – Минск, 2003. – 20 с.

Кирилина, А.В. Возможности гендерного подхода в антропоориентированном изучении языка и коммуникации / А.В. Кирилина // Кавказоведение = Caucasiology. – 2002. – № 2. – С. 134–141 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/kirilina1.htm> – Дата доступа: 25.04.2009.

Русские пословицы и поговорки / сост. Е.Ю. Нецименко. – М.: Рипол Классик, 2002. – 303 с.